

Злочастье» и духовные стихи! Может быть, и бесцветность ранней литературы южных и восточных славян объясняется тем, что славянские авторы ориентировались на дометафрасовскую традицию, для XI—XIII вв. уже архаичную и слишком «простую»?

Для ответа на этот вопрос, очевидно, следует обратиться к периоду так называемого второго южнославянского влияния, эпохе «плетения словес», когда декоративная риторика пышно расцвела и у южных славян, и на Руси. В качестве примера рассмотрим хотя бы Житие известного исихаста Григория Синаита, написанное его учеником Каллистом, константинопольским патриархом и другом известного Феодосия Тырновского — также ученика Григория (Каллист написал и его житие). По словам одного из исследователей, «слог его (Каллиста, — А. П.) цветист и словообилен и часто прикрашен цитатами ... и пространно изложенными сравнениями. Замечательна склонность автора заимствовать свои сравнения из жизни животных, причем естественность, с которой изображаются их нравы, как например разлученного от самки оленя, посаженного в клетку соловья или пчел, собирающих поноску по всем цветам, — явно доказывает живое чувство и внимательное наблюдение природы, какое редко встречаем у других писателей византийской эпохи».¹⁸ Житие Каллист писал по-гречески (хотя он, видимо, знал и славянский). Тогда же, в XIV в., Житие Григория Синаита было переведено на болгарский язык и перешло на Русь.

Это действительно образцовое произведение украшенного стиля. И, однако, цвета в нем нет. Мы можем найти в Житии «духовное благоухание» и «сладчайшие словеса», многочисленные рассуждения о свете и тьме, но колористикой Каллист не пользовался. То же относится и к славянским представителям «плетения словес».

В свое время А. И. Белецкий писал: «Радугу цветов, разлитых в природе, человек видел и ощущал, но ничего не умел сказать о ней».¹⁹ Глагол «умел» в этом высказывании следует заменить каким-либо другим, ибо когда речь шла о практических потребностях (приметы в кабальных книгах, иконописные подлинники, многие описания в летописях), древнерусский книжник прекрасно справлялся с цветовой гаммой. Но древнерусский художник слова, как правило, — ибо нет правил без исключений, — не нуждался в цвете, средневековая эстетика «не хотела» цвета, и цвет оставался вне художественной прозы.

Исключения, в свою очередь, также весьма любопытны. Оказывается, что и в эпосе, и в письменности наиболее распространенный цвет — белый (конечно, распространенность эта весьма относительна — белый также встречается редко, но все же неизмеримо чаще, чем другие цвета).

Это, между прочим, относится и к переводным памятникам, в разное время вошедшим в славянские литературы. Приведу несколько характерных примеров из Великих миней четьих Макария: «И виде и того брата, исходяща ис церкви, всего бела душою и светла лицем» (апр., 1—8, 4); «И ишед во Олимп, пострижесе в черныя ризы, чая прияти белу и нетленну ангельску одежду» (окт., 4—8); св. Варвара молит бога, «да тело ея покрывается, и посла господь ... аггела ... со одеждою белою» (дек., 1—5, 103); «Лице же его изменився, яко свет бел являшеся даже до трисвятого славословия, яко огонь паляй световидно все являшеся, свет-

¹⁸ Цит. по кн.: П. А. Сырку. Житие Григория Синаита, составленное константинопольским патриархом Каллистом. — ПДП, CLXXII, СПб., 1909, стр. LXXXII.

¹⁹ А. И. Белецкий. В мастерской художника слова. — В сб.: Вопросы теории и психологии творчества, т. 8, Харьков, 1923, стр. 237.